

ОБЫКНОВЕННО поэт отдаст людям свои творения. Блок отдает людям самого себя.

Я хочу этим сказать, что в его стихах не только не разрешаются, но даже не намечаются какие-нибудь общие проблемы, литературные, как у Пушкина, философские, как у Тютчева, или социологические, как у Гюго, и что он просто описывает свою собственную жизнь, которая на его счастье так дивно богата внутренне — борьбой, катастрофами и озарениями.

Николай Гумилев. Портрет работы художницы Н. ВОИТИНСКОЙ. 1909 г.

В первое воскресенье августа на подмосковную землю приходит традиционный Блоковский праздник поэзии. В нынешнем году поклонники Музы певца России в восемнадцатый раз придут в Шахматово и Тараканово, которые самым тесным образом связаны с жизнью и творчеством Блока. И, как всегда, в любимых пенатах Александра Александровича пройдут встречи с поэтами, прозвучат стихи Блока и строки, посвященные ему.

В книгу XVIII Блоковского праздника поэзии «Литературная Россия» предлагается вниманию читателей две небольшие статьи о творчестве Александра Блока, написанные другим замечательным русским поэтом — Николаем Гумилевым. Эти заметки — впечатления поэта от книг поэта. Гумилев, как известно, стоял во главе группы поэтов-акмеистов, и можно было бы предположить, что в оценках творчества А. Блока он будет исходить из положений «манифеста» сво-

Николай Гумилев—

об Александре БЛОКЕ

«Я не слушал сказок, я простой человек», — говорит Пьеро в «Балаганчике», и эти слова хотелось бы видеть эпиграфом ко всем трем книгам стихотворений Блока¹. И вместе с тем он обладает чисто пушкинской способностью в минутном дать почувствовать вечное, за каждым случайным образом — показать тень гения, будущего его судьбу. Я сказал, что это пушкинская способность, и не отрекся от своих слов. Разве даже «Гавриилиада» не проникнута пусть странным, но все же религиозным ощущением, больше чем многие пухлые томы разных слов и размышлений? Разве альбомные стихи Пушкина не есть священный гимн о таинствах нового Эроса?

О блоковской Прекрасной Даме много гадали — хотели видеть в ней — то Жену, облеченную в Солнце, то Вечную женственность, то символ России. Но если поверить, что это просто девушка, в которую впервые был влюблен поэт, то мне кажется, ни одно стихотворение в книге не опровергнет этого мнения, а сам образ, сделавшись ближе, станет еще чудеснее и бесконечно выиграет от этого в художественном отношении. Мы поймем, что в этой книге, как в «Новой Жизни» Данте, «Сонетах» Ронсара, «Вертере» Гёте и «Цветах Зла» Бодлера, нам явлен новый лик любви; любви, которая хочет ослепительности, питается предчувствиями, верит предзнаменованиям и во всем видит единство, потому что видит только самое себя; любви, которая лишней раз доказывает, что человек — не только усовершенствованная обезьяна. И мы будем на стороне поэта, когда он устами того же Пьеро крикнет обступившим его мистикам: «Вы на обманете меня, это Коломбина, это моя невеста!»

ей литературной группы. Но этого не произошло. Критику Гумилева отличали, как писал один из современников, «образцовое беспристрастие и необыкновенная ясность художественного вкуса». И можно добавить: она несет на себе отпечаток ярко выраженной индивидуальности.

Заметки Гумилева о книгах Блока являются составными частями его «Писем о русской поэзии», печатавшихся в журнале «Аполлон» с конца 1909 года, а затем собранных в книге с таким же названием, увидевшей свет после смерти Николая Степановича Гумилева. Книга эта, вышедшая в 1923 году тиражом четыре тысячи экземпляров, ныне, как и журнал «Аполлон», является библиографической редкостью. Но она не потеряла своей литературной значимости, потому что служит хорошим путеводителем «в глубоких дебрях русского художественного слова» начала нашего бурного века. Путеводителем, составленным человеком, которому в высокой степени был присущ дар «критической интуиции».

Во второй книге Блок как будто впервые оглянулся на окружающий его мир вещей и, оглянувшись, обрадовался несканзано. Отсюда ее название. Но это было началом трагедии. Доверчиво-восхищенный миром поэт, забыв разницу между ним и собой, имеющим душу живу, как-то сразу странно принял и полюбил все — и болотного попика, Бог знает, чем занимающегося в болоте, вряд ли только лечением лягушечьих лап, и карлика, удерживающего рукою маятник, и тем убивающего ребенка, и чертенят, умоляющих не брать их во Святые

Места, и в глубина этого сомнительного царства, как царицу, в шелках и перстнях Незнакомки, Истерию с ее слугой, Алкоголем.

Незнакомка — лейтмотив всей книги. Это обманное обещание материи — доставить совершенное счастье и невозможность, но не чистая и безгласная, как звезды, смысл и правда которых в том, что они недостижимы, — а дразнящая и зовущая, тревожащая, как луна. Это — русалка города, требующая, чтобы влюбленные в нее отрелись от своей души. Но поэт с детским сердцем, Блок, не захотел пуститься в такие мировые авантюры. Он предпочел смерть. И половина «Снежной ночи», та, которая раньше составляла «Землю в Снегу», заключает в себе постоянную и упорную мысль о смерти, и не о загробном мире, а только о моменте перехода в него. Снежная Маска — это та же Незнакомка, но только отчаявшаяся в своей победе и в раздражении, хотящая гибели для ускользающего от нее любовника. И в стихах этого периода слышен не только истерический восторг или истерическая мука, в них уже чувствуется торжественное приближение Духа Музыки, побеждающего демонов. Музыка — это то, что соединяет мир земной и мир бесплотный. Это — душа вещей и тело мысли. В скрипках и колоколах «Ночных часов» (второй половины «Снежной ночи») уже нет истерии — этот период успешно пройден поэтом. Все линии четки и тверды, и в то же время ни один

Александр Блок. Портрет работы художника Н. ВЫШЕСЛАВЦЕВА. 1919 г.

образ не очерчен до замкнутости в самом себе, все живы в полном смысле этого слова, все трепетны, зыблются и плывут в «отчизну скрипок беспредельных». Слова — как ноты, фразы — как аккорды. И мир, облагороженный музыкой, стал по-человечески прекрасным и чистым — весь, от могилы Данте до линейной занавески над большими геранями. В какие формы дальше выльется поэзия Блока, я думаю, никто не сможет сказать, и меньше всех он сам.

Перед А. Блоком стоят два сфинкса, заставляющие его «петь и плакать» своими неразрешенными загадками: Россия и его собственная душа. Первый — Некрасовский, второй — Лермонтовский. И часто, очень часто Блок показывает нам их, слитых в одно, органически нераздельных. Невозможно? Но разве не Лермонтов написал «Песню о купце Калашникове»? И Некрасовских заветов любить отчизну с

печалью и гневом он принял только первый. Например, в стихотворении «За гробом» он начинает сурово, обвиняюще:

Был он только литератор модный,
Только слов кощунственных творец...

...но тотчас же добавляет:

Но мертвец — родной душе народной:
Всякий свято чтит она конец...

Или в стихотворении «Родине», за великолепными страшными строками:

За море Черное, за море Белое
В черные ночи и белые дни
Дико глядится лицо онемелое,
Очи татарские мечут огни...

— непосредственно следуют строки приносящие, уже самой ритмичкой, тремя подряд стоящими прилагательными:

Тихое, долгое, красное зарево
Каждую ночь над становьем твоим...

Этот переход от негодования не к делу или призыву, а к гармонии (пусть купленной ценою новой боли — боль певуча), к милеровской, я сказал бы, красоте характеризует германскую струю в творчестве Блока. Перед нами не Илья Муромец, не Алеша Попович, а другой гость, славный витязь заморский, какой-нибудь Дюк Степанович. И не как мать любит он Россию, а как жену, которую находит, когда настанет пора. В своей Лоэнгриновской тоске Блок не знает ничего некрасивого, низкого, чему он мог бы сказать, наконец, мужское нет! А может быть, хочет, ищет? Но миг — и даже тема о забытом полустанке рыдает у него, как самая полнозвучная скрипка:

Вагоны шли привычной линией,
Подрагивали и скрипели,
Молчали желтые и синие,
В зеленых плакали и пели...

В чисто лирических стихах и признаниях у Блока — лермонтовское спокойствие и грусть, но и тут тоже характерное различие: вместо милой заносчивости маленького гусара, у него благородная задушевность Микаэля Крамера. Кроме того, в его творчестве поражает еще одна черта, несвойственная не только Лермонтову, а и всей русской поэзии вообще, а именно — морализм. Проявляясь в своей первоначальной форме нежелания другому зла, этот морализм придает поэзии Блока впечатление какой-то особенной, опять-таки шиллеровской, человечности.

Ведь со свечей в тревоге давней
Ее не ждешь у двери мать,
Ведь бедный муж за плотной ставней
Ее не будет ревновать...

— размышляет он почти в момент объятья и влюбляется в женщину за ее «юное презрение» к его желанию.

Как никто, умеет Блок соединять в одной две темы — не противопоставляя их друг другу, а сливая химически. В «Итальянских стихах» — величавое и светлое прошлое и «некий ветер, сквозь бархат черный поющий о будущей жизни», в «Куликовом поле» — нашествие татар и историю влюбленного воина русской рати. Этот прием открывает нам безмерные горизонты в области поэзии.

Вообще Блок является одним из чудотворцев русского стиха. Трудно подыскать аналогию ритмическому совершенству таких стихов, как «Свирель запела» или «Я сегодня не помню». Как стилист, он не чурается обычно красивых слов, он умеет извлекать из них первоначальное их очарование.

Валентина, звезда, мечтанье,
Как поют твои соловьи...

И великая его заслуга перед русской поэзией в том, что он сбросил иго точных рифм, нашел зависимость рифмы от разбег строки, да и не только ассонансы, но и просто неверные рифмы (плечо — ни о чем, вести — страсти), всегда имеют в виду какой-нибудь особенно тонкий эффект и всегда его достигают.

¹ Собрание стихотворений в трех книгах. Книга первая. «Стихи о Прекрасной Даме». Книга вторая. «Нечаянная радость». Книга третья. «Снежная ночь». Москва. Книгоиздательство «Мусагет». 1911—1912 гг. (Прим. ред.)

Мой. Россия, 1884, 31 июля